
«ДАЕШЬ ДЕНЬГИ – ТОГДА БУДЕМ РАБОТАТЬ!» – ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ПРОЛЕТАРИАТА В ВОПРОСАХ ОПЛАТЫ ТРУДА В КОНЦЕ 1920-Х – 1930-Е ГГ.

А.О. Тюрин

Кафедра истории России
Астраханский государственный университет
ул. Татищева 20, Астрахань, Россия, 414056

В предлагаемой статье на основе архивного материала описываются и анализируются формы политического поведения рабочих в вопросах оплаты труда. В статье показаны изменение и выбор форм политического участия пролетариатом, дана характеристика его политического сознания в исторических условиях 1930-х гг.

Ключевые слова: политическое участие, политическое поведение, политическое сознание, вопросы оплаты труда, пролетариат.

Советская экономика характеризовалась сильным влиянием государства во всех ее секторах, административным принуждением и отсутствием рыночных механизмов. Политика в области оплаты труда преследовала цель увеличения производительности, поэтому многочисленные директивы касались пересмотра норм выработки в сторону увеличения. Таким образом, трудящимся приходилось все больше вырабатывать продукции и меньше за нее получать.

В дальнейшем власть постоянно вводила новые стимулирующие формы оплаты труда (сдельщина, премиальные, повременная оплата, прогрессивная сдельщина), которые способствовали интенсификации труда. Однако периодические кризисы снабжения делали деньги не слишком привлекательными, а ограниченность фонда заработной платы предприятий часто приводила к задержкам ее выдачи. Все же без денег существовать человек не мог даже в советском обществе, поэтому вопросы (постановления, новые расценки и нормы и т.п.) и конфликты (неоплата за сверхурочные, ошибочные перерасчеты и т.п.), связанные с оплатой труда, а также с сокращением штатов и увольнениями, всегда остро обсуждались среди горожан.

Во второй половине 1920-х гг. в условиях кризиса снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости, в условиях все возрастающих цен в государственной торговле и на рынке, очередная тарификация не могла оставлять трудящихся в большинстве своем равнодушными и безучастными.

Местные власти также замечали негативные настроения рабочих. Так, в 1928 г. в Астрахани на заседании Трусовского РК ВКП(б) рассматривался

вопрос «Об упадочности настроения рабочих». Один из выступающих видел причину в следующем: «Причиной этому является снижение зарплаты по сравнению с прошлым годом, стоит отметить выступление товарища К., который сказал еще в конце 1927 г., что “партия повышать зарплату не будет”. Другой докладчик считал, что “упадочность настроения среди масс объясняется тем, что отдельные слои рабочих недостаточно хорошо понимают задачи партии в области нашего строительства”» (1).

Однако самим трудящимся не требовалось «понимания задач партии», а нужно было «решать задачу» повышения собственного заработка. В условиях нерыночной экономики и административного диктата у трудящихся вырабатывались определенные формы поведения для достижения поставленной цели.

При выборе формы политического поведения (мы будем рассматривать политическое участие, в основном политическую активность) индивид или же группа (субъект) опирается на политическое сознание. С сознанием тесно связана идентичность (самоидентификация), которая проявляется в ощущении принадлежности к какой-либо группе и предполагает признание правомерности занятия той или иной позиции со стороны других субъектов политических отношений.

Также с политическим сознанием тесно связана политическая установка, которая предшествует действию. Являясь начальным этапом, политическая установка обеспечивает субъект способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты на основе прошлого опыта, с которым она тесно связана (2). При всем при этом не стоит забывать о конкретных ситуациях, которые также влияют на выбор формы политического участия, так как ситуации не повторяются.

Нашей исследовательской задачей будет являться анализ форм политического участия рабочих при решении вопросов оплаты труда, который поможет проследить произошедшие (или нет) изменения в самом политическом поведении и охарактеризовать политическое сознание пролетариата в исторических условиях 1930-х гг.

Что же могли сделать рабочие для повышения собственной заработной платы, если признавали тарификацию, оплаченную переработку или увольнение несправедливой с их точки зрения? Одной из форм разрешения конфликтных ситуаций было обсуждение их на общих собраниях. Здесь трудящиеся могли критиковать и высказывать свои предложения по преодолению споров. Таким образом, конвенциональной формой активного политического участия считалась открытая дискуссия между рабочим коллективом и администраций.

Даже сама власть пыталась активизировать рабочих на критику администрации («самокритика») по многим вопросам, но столкнулась с проблемой пассивного политического участия пролетариев на собраниях. При этом из основных причин отказа от политической активности была боязнь потери

рабочего места, так как во второй половине 1920-х гг. безработица была одной из острых социальных проблем. Это заставляло рабочих соглашаться даже с произволом со стороны администрации.

Например, на собрании по теме «Отчет правительства СССР» рабочий высказался: «Вот вы говорите, что нужна самокритика, а у нас в Астрахани за самокритику увольняют, так что работник боится самокритики» (3). В Саратове рабочие говорили между собой: «Вылетишь с завода и сам не поймешь за что!». На заводе «Баррикады» в Сталинграде некоторые рабочие подговаривали сезонников выступить с требованиями и критикой на собраниях, мотивируя это следующим: «Все равно вам на биржу, а нас с работы могут списать» (4). В сводках отмечалось, что на собраниях рабочие политически пассивны и не отличаются критикой в адрес администрации.

Однако вопрос в области оплаты труда касался непосредственной жизнедеятельности, повседневного существования человека и его близких, поэтому откровенно безучастных трудящихся не было, а политическая активность принимала различные формы.

На тех же общих собраниях некоторые рабочие открыто пытались отстаивать свою позицию. Например, на общем собрании экипажа парохода «Память Ильича» матрос говорил: ««Мы работали по 20 ч в сутки, а с нами совсем не считаются. Мы все шепчемся по углам, а здесь боимся говорить правду, так как нас могут списать на берег. А ведь власть-то наша и мы должны добиться защиты для себя, и почаще встряхивать администраторов» (5). Далее экипаж обратился в профсоюзный комитет с коллективной жалобой.

Этот пример не связан непосредственно с тарификацией, а связан с неоплаченной сверхурочной работой. В конфликте весь коллектив четко представлял свою правоту, был сплочен. В данном случае мы наблюдаем, как точно матрос самоидентифицировал себя и свой экипаж с государственной властью. При этом свою позицию (считай – позицию власти) противопоставил позиции администрации. Дальнейшие действия экипажа, связанные с установкой, то есть опытом – это обращение в профсоюзный комитет, так как именно он должен был защитить матросов-пролетариев от произвола администрации. К сожалению, в этом случае неизвестен исход дела, тот результат, опыт, который, в дальнейшем изменяя установку, влияет на сознание и поведение.

В целом диапазон выступлений на общих собраниях характеризовался как коллективными требованиями, общими дискуссиями с аргументацией своей позиции, так и отдельными фразами, часто обезличенными, под общий шум, с места.

В одной из политических сводок говорилось, что «на многих предприятиях Саратова, на общих собраниях, посвященных вопросам тарификации, с места многие рабочие выкрикивали следующие фразы: «Прав Троцкий и Зиновьев, что говорят о повышении зарплаты», «В течение десяти лет рабо-

чих обманываете и сейчас хотите обмануть», «С них (с администрации) взять и разложить на рабочих, а то сидят на шее рабочего» (6).

Скорее всего, представленной формой политической активности на собраниях рабочие пытались донести до администрации предприятий свою реальную оценку политики тарификации, ту оценку, о которой «все шепчутся по углам». При этом «шумиха» создавала впечатление коллективного сопротивления и воздействия на администрацию, с одной стороны, а с другой «выкрики с места, под шумок» отчасти гарантировали рабочему безопасность от репрессий со стороны администрации, так как многие пролетарии, оперируя собственным опытом, придерживались мнения астраханского рабочего предприятия Госхолодильники: «Рабочий бывает тогда нужен, когда туго дармоедам, а коснись сказать про них что-нибудь, так сейчас же запрячут, куда следует, как «контрреволюционера», и дадут кличку «бузотер» (7).

Из вышесказанного следует, что в неформальной обстановке (в разговорах друг с другом, которые фиксировали информаторы) пролетариат активно обсуждал предложенную властью систему оплаты труда и в основном был недоволен существующей ситуацией. В целом рабочие понимали, что тарифная реформа проводится государственной властью, реальных рычагов воздействия на которую население не имело. По этому поводу один из сталинградских рабочих завода «Баррикады» сказал: «Реальная зарплата была больше, чем теперь, несмотря на то, что продукции вырабатывается больше. Выходит, добились давления на рабочий класс».

Однако коллективные договоры, нормы и расценки устанавливались на предприятиях, поэтому в разговорах часто звучало следующее мнение: «С понижением расценок снижается заработная плата, а цены на продукты питания повышаются. Необходимо объединиться, и требовать повышения зарплаты» (из разговоров среди рабочих Вольска) (8). Таким образом, наиболее активная часть пролетариата призывала к такой форме политической активности, как забастовка, которая активно использовалась в прошлом. При этом забастовка также отчасти обезличивает и объединяет рабочих (запоминаются активных 2–3 рабочих лидера), участвовавших в ней.

Информационные сводки сообщали, что «в 1928 г. рабочие промысла № 109 в Астрахани объявили забастовку и требовали пересмотра коллективного договора в сторону увеличения заработной платы. На строительстве тракторного завода в Сталинграде рабочие прекратили работу и требовали увеличения заработной платы на 30%, кратковременные забастовки наблюдались и по другим предприятиям Нижневолжского региона» (9). К сожалению, опять документы не приводят результат забастовочного движения, но стоит отметить, что некоторые коллективы не испугались репрессий и выступили против администрации.

Также к политически активным действиям трудящиеся прибегали при потере рабочего места, то есть потере заработка. Боязнь остаться без работы и средств к существованию толкала людей на крайние формы выступлений.

Примером может служить выступление астраханских работниц городских рыбных промыслов в мае 1929 г.

Суть конфликта заключалась в следующем. В Астрахани в апреле 1929 г. окружным отделом труда было дополнительно организовано на Болдинском рыбном промысле районное посредническое бюро. Оно должно было трудоустроить работников, проживающих в рабочем поселке Свободный. Другие рабочие (более 400 чел.), проживающие также вблизи Болдинского промысла и ранее работающие там, такого права лишались.

Это обстоятельство вызвало недовольство со стороны трудящихся (в большинстве одинокие работницы). 8 мая 1929 г. группа работниц (около 100 чел.), возглавляемые Бахтиной и Долговой, пришли в профсоюзный комитет пищевиков. Бахтина заявила: «Мы пришли громить весь союз и всех коммунистов. Зачем вы раздели один район на два? Что мы должны теперь делать, куда идти работать? Мы с малых лет работали на реке Болде, а теперь что прикажите с голоду помирать... Вот до чего вы нас довели «наши защитники»... Перевесить надо всех коммунистов. Разве так гласит коммунизм, чтобы вы были сыты, а рабочие гибли с голоду... Мы, вас по-доброму предупреждаем, если вы не пойдете нам на встречу, то будет бунт... Стреляйте меня или сажайте в тюрьму, только дайте хлеба, так как я и мои дети хотим есть... Я выбиралась во все комиссии, я активистка, но больше работать так не могу. Кругом рвачество, взятки и проституция. Довольно терпеть – быть бунту!» (10).

Работницы с одобрением восприняли выступление Бахтиной. Из толпы раздавались крики: «Они сыты, а о нас рабочих не думают!». Далее выступавшие отправились к зданию районного совета, где им пообещали разобраться в ситуации и пересмотреть вопрос. Это успокоило работниц промыслов, и они разошлись по домам. Позже на заседании Горсовета непродуманному делению жителей одного района на два была дана отрицательная оценка, но вместе с этим выступление работниц было охарактеризовано как антисоветское (11).

В своем монологе Бахтина опять четко идентифицирует свою социальную принадлежность – рабочие. Группы же, к которой предъявлялись претензии (по словам Бахтиной «наши защитники») в сознании были перемешаны. Виноваты все – профсоюз и коммунисты, подразумеваются и местные власти. Все они, судя по выступлению рвачи, коррупционеры, и «о рабочих не думают!». При этом был предложен силовой вариант разрешения проблемы: «Довольно терпеть – быть бунту!». Яркое эмоционально-«бессознательное» выражение «Перевесить надо всех коммунистов» подтверждает, с одной стороны, состояние отчаяния, до которой были доведены работницы, с другой – угрозу и возможное наказание (лишение жизни) – все это было приемлемо для сознания горожан.

Местная власть исправила явную ошибку, однако метод достижения, который использовали работницы, был охарактеризован как антисоветский, то есть антигосударственный и преступный. В дальнейшем любые несанк-

ционированные выступления, в основном забастовочного характера, оценивались как антисоветские (т.е. нелегитимные), и к зачинщикам применялись репрессивные методы.

С 1931 г. возникает новая проблема в области оплаты труда – постоянные задержки заработной платы. Администрация предприятий объясняло это явление как временные трудности, связанные с развернувшимся масштабным строительством. Представители администраций и пропагандисты обращались к трудящимся с просьбой немного потерпеть, мотивируя это тем, что с вступлением в строй основных производственных фондов ситуация в оплате труда стабилизируется.

Общие собрания, где должны были решаться спорные вопросы, часто превращались в агитационно-разъяснительную лекцию, а замечания рабочих часто оставались без внимания. Все это опять толкало пролетариат к действиям забастовочного характера, которые проявлялись в разных формах, но эти способы уже осуждались публично на собраниях со стороны других рабочих, скорее всего пропагандистов.

Например, в 1931 г. в Астрахани на общем собрании коллектива теплохода «Магнитогорск» выступающий говорил: «Товарищ Н... сколотил группу из трех человек и занимается разложением среди команды. Говорит, что не выдают зарплату, и хотят морить всех рабочих с голоду. Они ведут агитацию: «Дашь деньги – тогда будем работать!». И это когда наша страна переживает кризис нехватки денежных средств. Если другие пароходы не получают зарплату по 2–3 месяца, то на нашем задолженность доходит всего на один месяц» (12).

В 1932 г. в Астрахани на межрайонном техническом бюро рассматривалось дело «О контрреволюционной вылазке инженера АРУРТа». Суть дела сводилась к тому, что «инженер Л... объявил так называемую «итальянскую забастовку» и призывал своих сотрудников сделать это, убеждая всех лозунгом: «Как нам платят, так мы и работаем!». Инженера обвинили в проведении контрреволюционной работы, объявив его «замаскировавшимся врагом, который занимался подрывной деятельностью и вносил разложение в ряды бойцов социалистического фронта» (13).

В Астрахани на заводе X лет Октября ситуация с выплатой заработной платы переполнило чашу терпения плотников, которые не приступили к работе 3 сентября 1932 г. К бастовавшим плотникам вышел начальник цеха, и некоторые работники стали кричать: «Дайте денег, существовать не на что!». Плотникам начальник предложил начать работу вместе с обещанием, что в обед они получают заработную плату. В ответ послышались крики: «Дайте директора в цех, а то на работу не пойдем», «Жрать нечего, семья голодает, больше существовать не на что, а нас кормят обещаниями и считают забастовщиками» (14).

Только в обеденный перерыв к бастующим вышел директор, секретарь ячейки ВКП(б), начальник цеха и попытались разъяснить ситуацию с фи-

нансовым положением на предприятии. Однако рабочие не стали слушать администрацию завода, а продолжали требовать выплаты денег. Один плотник раздраженно спрашивал: «Когда же нас перестанут обманывать и выдадут деньги?». Другой бастующий видел причину кризиса в следующем: «Если бы встал теперь Ленин и посмотрел бы, какая политика, он бы, наверное, принял решительные меры для ее изменения, потому что, мы говорим одно, а думаем совсем другое. Ведь должны же понять, что на голодном рабочем далеко не уедешь» (15).

После затянувшегося обеденного перерыва и очередного ряда обещаний плотники приступили к работе. Вскоре следствие ОГПУ определило забастовку как антисоветское выступление, а ее организаторы были привлечены к уголовной ответственности.

Рассмотренные нами две формы открытой политической активности – общие собрания и забастовки – показали, что, объединяясь, рабочие могли достичь поставленной цели. Однако забастовки и собрания были чреваты негативными результатами (репрессиями) для их активных участников. Впоследствии при проведении различных «чисток» многим трудящимся припоминали их высказывания на собраниях относительно социально-экономической и политической ситуации в стране, что являлось одной из причин увольнения, а иногда дело передавалось в следственные органы.

На рубеже десятилетий забастовочное движение вообще становится нелегитимной формой политического участия, поэтому участники забастовок официально обвинялись в антигосударственной деятельности и к ним применялось уголовное преследование. Поэтому пролетариат использовал и другие формы политического участия.

Одной из самых распространенных форм политического поведения в этот период была смена предприятия или вообще место жительства, то есть поиск более выгодных условий оплаты труда. Так, в 1932 г. на заводе им. Урицкого в Астрахани плотники, недовольные низкой зарплатой, выбрали следующую форму: после отпусков не вышли на работу, то есть не возвратились вообще. Один из плотников сказал: «Зачем я буду возвращаться на завод, когда я в деревне могу остаться, в колхозе зарабатывать, где можно получить в два, три раза дешевле, чем в Астрахани» (16).

При этом некоторые трудящиеся подсаживали, как лучше уволиться, если будет мешать этому администрация. Например, в 1933 г. рабочий завода им. III Интернационала рассуждал: «Нужно бежать с завода, так как наш труд на заводе не ценят, работаем за копейки. Если не будут давать расчет добровольно, то нужно прогулять один день и тебя уволят за прогул. Пусть они зиму побудут без рабочих, узнают, как выпустить суда из ремонта. Нас зажали здесь в кулак, а мы молчим» (17).

В общем, этот вид политического участия можно отнести к политической отчужденности, которая характеризуется сосредоточением усилий человека на решении проблем личной жизни при их противопоставлении по-

литической. Например, на заводе им. К. Маркса рабочий Ф., выступая перед котельщиками, сказал: «Всем рабочим надо бросать работу, и уйти с производства, потому что здесь подохнешь с голода» (18).

Скорее всего, большинство населения использовала горизонтальную мобильность не для определенного протеста, а для решения своих материальных проблем. Уже в начале 1930-х гг. власть пытается бороться с миграцией введением паспортов и прописки. Но борьба с так называемыми «летунами» будет продолжаться на протяжении всех 1930-х гг.

Будут вводиться новые указы и постановления, направленные на укрепление трудовой дисциплины, которые активно обсуждались на общих собраниях и в неформальной обстановке. На общем собрании рабочий высказал свое мнение о борьбе с текучкой кадров: «Летать с производства на производство приходится лишь потому, что отдельные директора не создают условий в работе: не обеспечивают жильем, не дают спецодежды, плохо выплачивают зарплату (несвоевременно), низкие заработки» (19).

В дальнейшем более мобильные представители пролетариата будут использовать эту форму политического участия. С одной стороны, государственная власть не сможет (или не станет) окончательно «приписать» рабочих к предприятиям, уже был ГУЛАГ. С другой стороны, данный вид политического поведения породил условную конкуренцию внутри страны среди предприятий одинаковых отраслей. «Текучка кадров» всегда считалась негативным моментом в организации труда, так как сказывалась на производительности. После обследования предприятия администрация также подвергалась репрессиям за невыполнение плана.

Таким образом, форма политической отчужденности как горизонтальная мобильность пролетариата в поисках высокой зарплаты и лучших условий жизнедеятельности в определенной мере стимулировала администрацию предприятий на создание благоприятных условий труда (своевременную выплату зарплаты, премии) и даже развитие социальной сферы (строительство жилья, домов отдыха, детских садов, учреждений культуры).

Другой формой политической активности, применявшейся трудящимися для разрешения споров по оплате труда и увеличению зарплаты, было написание индивидуальных и коллективных писем-жалоб и заявлений в средства массовой информации и различные контролирующие организации. Например, количество жалоб, поданных в Астраханский городской совет профессиональных союзов (ГСПС) в 1936 г., касавшихся нарушений в выплате заработной платы, насчитывалось 246, а неправомерных увольнений – 257. Эти показатели по количеству самые большие (20).

Поступали письма в газеты, которые, со своей стороны, должны были проконтролировать ситуацию. К этому прибегали даже иностранные граждане. Например, немецкая гражданка, проживающая в Астрахани, отправила несколько писем в Центральную немецкую газету, в которых описывала сложившуюся ситуацию с зарплатой мужа. Так, в письме от 11 декабря 1936 г.

читаем следующее: «Мой муж обратился за помощью к директору. Этот добрый человек может умно говорить о лучшем устройстве. Он ежемесячно получает 2000 руб. и получает свое жалование во время. Мы, напротив, должны долго ждать, иногда целый месяц. За первую половину ноября деньги выплачивались только 8 декабря».

В первом письме, датированном 25 октября 1936 г., автор в доказательство своего нищенского существования приводит ежедневные расходы: «Серый хлеб – 3 кг – 2,70 руб., мясо – 1,2 кг – 3,50 руб., макароны – 1,2 кг – 1,60 руб., масло – 150 г – 2,40 руб., сахар – 0,69 руб., мелочи и папиросы – 1,35 руб. Итого за месяц получается 367 руб. 20 коп. Еще 25 руб. 80 коп. мы тратим на освещение, радио, мыло, стрижку, уборку лестниц и т.д. Всего получается 393 руб. Мой муж получает 450 руб., а за вычетом разных отчислений у него остается 397 руб. Таким образом, нам остается 4 руб. на непредвиденные расходы». В конце другого письма она призывает: «Я ожидаю от вас помощи, если ее не будет, то почитаю умереть на виселице» (21). Неизвестно, помогла ли редакция в решении материальных проблем своей соотечественнице, но письма попали в астраханский ГК ВКП(б), который, в свою очередь проконтролировал ситуацию с выплатой зарплат на предприятии.

Кроме средств массовой информации многие писали письма лично руководителям государства и особенно Сталину. При этом после определенных проверок принималось решение по конкретной проблеме. Например, в Астраханский ГСПС в 1936 г. более всего поступило писем из секретариата Сталина по поводу обращений граждан, и профсоюз принял дела к рассмотрению.

Так, астраханская работница рыбоконсервного комбината, ее брат (машинист парохода) и их соседка (ученица 4-го класса) написали письмо Сталину, в котором жаловались на свое неудовлетворительное материальное положение. Астраханский ГСПС провел обследование сложившейся ситуации и принял решение, по которому заведующий комитетом рыбоконсервного комбината выдал работнице 200 руб., ее брату 50 руб., а матери ученицы выдали 100 руб., одежду и обувь.

Учетчица К... рыбоконсервного комбината и чернорабочий Н... с завода X лет Октября также написали письмо Сталину, в котором жаловались на неудовлетворительное материальное состояние своей семьи, что они «из-за низкой зарплаты и большой семьи лишены возможности обувать, одевать и воспитывать детей». После рассмотрения дела, касса взаимопомощи выдала учетчице 188 и чернорабочему – 150 руб. (22). Безусловно, не всем выдавали помощь, но многие одноразово поправляли свое материальное положение.

За письмами следили и партийные организации. Например, в докладной записке секретарю астраханского ГК ВКП(б) говорилось: «При проверке письма на имя т. Сталина от К., что т. К... добивался восстановления в

должности. Тов. К... на работу восстановлен с 24.01.38, полностью реабилитирован... Виновником снятия с работы тов. К... считается Кол..., за счет которого суд предложил оплатить тов. К...» (23).

Таким образом, трудящиеся не без оснований считали эффективной формой политической активности написание писем, жалоб, заявлений и обращений в различные организации, так как многие положительные результаты мотивировали население на этот вид активного политического поведения. Стоит отметить, что стиль написания жалоб и поведения на собраниях все больше отличался подозрениями и разоблачениями «замаскировавшихся врагов».

Подозрения и разоблачения встречались и в конце 1920-х гг. Они были связаны в основном со «спецееством». Например, в 1928 г. при заключении нового коллективного договора астраханский рабочий подозревал: «Колдоговор направлен против рабочих. Нет ли здесь действия спецов?» (24).

Однако массового масштаба это явление достигло во второй половине 1930-х гг. Например, в 1937 г. рабочие Камарданского рыбзавода написали коллективное письмо-жалобу в Сталинградский обком ВКП(б) следующего содержания: «Просим обратить ваше внимание на работу аппарата Волго-Каспийского треста... Мы видим, что рука врага еще существует в ВКТресте, и это видно из того, что уже второй месяц не видел рабочий зарплаты по вине руководства» (25).

Астраханец Ш..., возмущенный положением дел в речном пароходстве, в письме Сталину рассуждал: «Было совещание в Пароходстве, где установили, что приказ по сокращению штатов подписан Ч... – врагом народа, но ликвидировать эти последствия не у кого не хватает смелости. Я считаю, что это было сделано с целью навредить и готовить кадры для подлых врагов народа. Прошу ЦК партии и Вас тов. Сталин принять меры к нашим руководителям» (26). Аналогичные выступления с разоблачениями и подозрениями отмечались на общих рабочих собраниях и митингах, в газетных публикациях, жалобах и доносах.

В целом для достижения поставленных целей население все больше использовало «мирные» формы политической активности, такие как дискуссии на общих собраниях и написание заявлений и писем в контролирующие организации. В крайнем случае неудовлетворенные оплатой и условиями труда рабочие прибегали к горизонтальной мобильности как к форме политической отчужденности.

Формы забастовочной борьбы в социалистическом государстве становились нелегитимны и открыто наказуемы. Пролетариат в основном отказывался от прошлого «революционного» опыта политической активности, связанной с забастовочными движениями. Во многом это происходило в связи с усилением репрессий. Однако некоторые бастующие сами считали забастовку неправомерной, как в случае с плотниками завода X лет Октября в 1932 г., где рабочий – участник забастовки высказался: «Жрать нечего, се-

мья голодает, больше существовать не на что, а нас кормят обещаниями и считают забастовщиками» (27).

Многие рабочие не желали быть «забастовщиками» и «контрреволюционерами». Пролетарий не может выступать против своей власти, а спорные вопросы следовало решать в установленном законодательством порядке. В определенной мере происходило «огосударствление» внешних политических форм участия пролетариата.

В то же время, наблюдая многочисленные снятия с должностей административных работников, исключение из партии, публичные политические процессы над руководством страны, то есть опираясь на собственный и государственный опыт, трудящиеся во второй половине 1930-х гг. приняли и активно использовали установку по «разоблачению внутренних врагов», которая обеспечивала их способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты.

В общем, сознание и связанные с ним установки продолжали культивировать «революционно-военизированные» схемы мышления. С одной стороны, во многом это было связано с самой государственной политикой, которая романтизировала период Гражданской войны, военизировала все социально-экономические и политические отношения, «поощряла» разоблачение «врагов». С другой стороны, само население достаточно жестко относилось к «нарушителям справедливости и законности», выступало с их разоблачениями, эмоционально требовала или поддерживала (либо оставалось равнодушным) применение смертной казни.

Несмотря на мирные формы политической активности, дискуссии на общих собраниях, ситуации и оценки, описанные в жалобах, часто представляют собой приговор врагу или картину боевых действий. Таким образом, по внутренней сути своей политическое поведение и сознание в одной из своих составляющих носили мобилизационный характер, то есть были готовыми во многом к различным переменам и экстремальным ситуациям.

Исторические условия 1930-х гг., которые включали в себя бытовую неустроенность, низкий материальный уровень, частые миграции, постоянные репрессии, способствовали также укреплению мобилизационной составляющей сознания у пролетариата. Можно предположить, что отчасти благодаря этой характерной черте сознания пролетариата в первые годы Великой Отечественной войны в относительно короткие сроки были эвакуированы и построены новые предприятия, на которых начался бесперебойный выпуск военной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 14-15.
- (2) *Баранов Н.А.* Лекции по курсу «Теория политики» // [http:// www.Nicbar.narod.ru](http://www.Nicbar.narod.ru)

- (3) Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 53.
- (4) Государственный архив новейшей истории Астраханской области (ГАНИСО). – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 37, 166.
- (5) ГААО. – Ф. 1727. – Оп. 1. – Д. 1033. – Л. 60.
- (6) ГАНИСО. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 448. – Л. 1–3.
- (7) Там же. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 15.
- (8) Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 93.
- (9) Там же. – Л. 94.
- (10) ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 54.
- (11) Там же.
- (12) ГААО. – Ф. 1727. – Оп. 1. – Д. 1174. – Л. 9.
- (13) Там же. – Ф. 1359. – Оп. 1. – Д. 1359. – Л. 3.
- (14) ГАСДАО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 321–322.
- (15) Там же. – Л. 325.
- (16) Там же. – Л. 260–261.
- (17) Там же. – Д. 29. – Л. 115.
- (18) Там же. – Д. 25. – Л. 260.
- (19) Там же. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 385. – Л. 93.
- (20) ГААО. – Ф. 1359. – Оп. 1. – Д. 500. – Л. 41.
- (21) ГАСДАО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 283. – Л. 18, 21.
- (22) ГААО. – Ф. 1359. – Оп. 1. – Д. 500. – Л. 42.
- (23) ГАСДАО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 146.
- (24) Там же. – Л. 39.
- (25) Там же. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 142. – Л. 28.
- (26) Там же. – Д. 283. – Л. 96.
- (27) Там же. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 321–322.

**«PAY US – THEN WE'LL WORK!» –
THE FORMS OF POLITICAL PARTICIPIATION OF PROLETARIAT
IN LABOR COMPENSATION MATTER IN LATE 1920S – IN 1930S**

A.O. Tyurin

Chair of History of Russia
Astrakhan State University
Tatischev Str., 20, Astrakhan, Russia, 414056

In the given article the forms of workers' political activity in labor compensation matter are being described and analyzed on the archive data base. The article shows the proletariat's variation and choice of political participation forms, the characteristics of the proletariat's political awareness in the historical terms of the 1930s.

Key words: Political participation, political behaviour, political consciousness, labour compensation matter, proletariat.